



Иван Гаврилович Блинов – крестьянин, книгописец, художник

Елена Юхименко

Статья посвящена жизни и творчеству выдающегося мастера рукописной книги, миниатюриста и художника И.Г. Блинова. Основанные на традициях древнерусского и старообрядческого книгописания и в то же время обладающие индивидуальным стилем, работы Блинова стали заметным явлением в отечественной культуре эпохи модерна. Творческое сотрудничество связывало нижегородского крестьянина с В.М. Васнецовым, М.В. Нестеровым, Д.С. Стеллецким, П.И. Харитоненко, А.А. Ширинским-Шихматовым, М.С. Путятым и др. В статье впервые публикуется автобиография художника, написанная им в 1919 году.

Ключевые слова: рукописная книга, древнерусские традиции, старообрядчество, книжная миниатюра, книгописные мастерские, старообрядческое книгопечатание, модерн, автобиография, Слово о полку Игореве.

Нижегородскому крестьянину Ивану Гавриловичу Блинову (1872–1944), замечательному каллиграфу и миниатюристу, принадлежит особое место в художественной культуре эпохи модерна. В нем зримо воплотилась связь новорусского стиля с подлинными, древнерусскими корнями этого искусства.

Выросший в старообрядческой среде, бережно хранившей традиции книго- и иконописания, отточивший свое природное дарование в книгописных мастерских известных коллекционеров Г.М. Прянишникова и П.А. Овчинникова, Иван Блинов не только творчески развивал искусство оформления книги, но также принимал участие в создании комплексных по своей природе произведений нового стиля. На этом пути судьба свела некогда неизвестного крестьянина со знаменитыми художниками – В.М. Васнецовым, М.В. Нестеровым, Д.С. Стеллецким.

Благодаря работам Е.И. Иткиной, И.В. Лёвочкина, Г.В. Аксёновой, Ю.Д. Рыкова¹ биография И.Г. Блинова в общих чертах известна. Излагая жизненный путь книгописца, исследователи опираются на его автобиографию, написанную в 1919 году². Ниже мы публикуем этот текст, чтобы читатель мог услышать подлинный голос изографа и обратить внимание на его личную оценку людей и обстоятельств. Сохранив-



*Ил. 1. Иван Гаврилович Блинов.
Фотография. 1914*

шийся в Российской государственной библиотеке небольшой архив³, включающий семейную переписку, также содержит интересный материал для характеристики жизни и творчества И.Г. Блинова (частично этот материал использован нами в комментариях к тексту автобиографии). (Ил. 1.) Воспитавшая книгописца социальная среда ярко проявляется в его речи – в автобиографическом повествовании и особенно в письмах. Крестьянин Нижегородской деревни Кудашиха, под Городцом, он рано потянулся к грамоте. Любовь к учению и «ко всему художественному» стала путеводной звездой всей его жизни. И.Г. Блинов с особенным чувством описывает деда, благодаря

которому перед мальчиком раскрылась красота церковного чтения и пения. В то же время серьезное увлечение искусством рисования и книгописания, необходимость постоянной практики и совершенствования входили в противоречие с устоями крестьянской жизни, что с неизбежностью вело к семейным конфликтам. Блинов с горечью описывает недовольство родителей и глухое сопротивление молодой жены его «безповоротной» художественной привязанности. Но и в дальнейшем, когда он уже утвердился в выбранной профессии и работал в Москве, его терзала вынужденная оторванность от семьи. Письма к жене Вере Павловне 1909–1912 годов полны горьких сетований на разлуку. «Милая Верочка, – писал Блинов супруге 11 января 1910 года (сохраняем орфографию подлинника), – сегодня пришел с работы в семь часов вечера. Нашла ужасная скука, скорее взял перо и начал писать письмо. Один без вас не скоро привыкнешь, но ровно никогда не привыкнешь, но буду терпеть, насколько хватит терпения, Бог даст, жизнь продлится, увидимся. Вераша, не забудь меня, я вас до самой моей кончины не забуду»⁴. И спустя три дня: «Как ты, ангел мой, поживаешь, привыкаешь ли без меня или давно уже привыкла, может быть, я вам и надоел. А я, Вераша, ни могу никак привыкнуть, покуда на работе еще ничего, не шипко скучаю, прихожу на квартиру, ужасная скука, всегда один. Думаешь, думаешь разныя думы. Не знаю, Верочка моя дорогая, долго ли проживу один. <...> Вераша, дорогая моя, пиши мне писмы чаще и свое мнение, напиши, как мне здесь жить или нет»⁵.

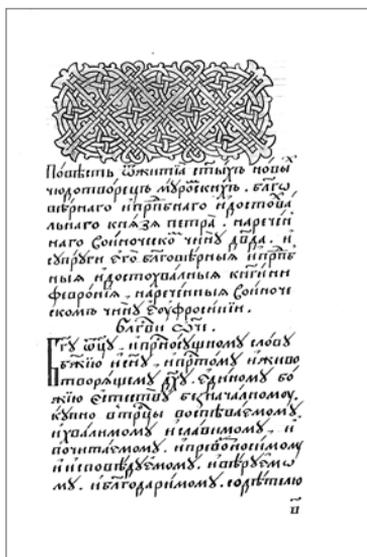
Другой знаменитый нижегородский самоучка, выходец из таких же социальных низов – будущий писатель Максим Горький подробно описывал свои «университеты». Для И.Г. Блинова такими «универ-

ситетами» стало знакомство и общение с видными деятелями нижегородского старообрядчества, собирателями книжной и иконной старины Г.М. Прянишниковым и П.А. Овчинниковым. Посвященные им фрагменты автобиографического повествования – практически единственные личные воспоминания, полные теплого человеческого чувства и любопытных подробностей. «Университетом» была для молодого каллиграфа и работа в книгописных мастерских Прянишникова и Овчинникова. Для современного читателя поясним: эти мастерские не изготавливали подделок, для любителей древнерусской книжности они выполняли списки с древних и редких рукописей, все копии имели удостоверяющую запись с истинной датой создания, именем писца и того, чьим «иждивением» писался кодекс. Подобные же записи непременно оставлял на своих рукописях и Иван Блинов.

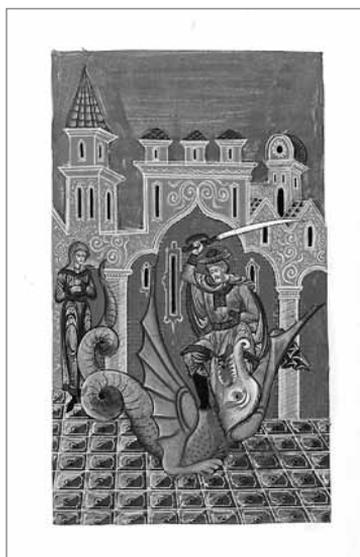
В 1887–1907 годах художник работал на своей родине для нижегородских коллекционеров, в том числе для Н.П. Никифорова. Знакомство с их богатейшими книжными собраниями, включавшими ранние и иллюминированные памятники, дало Блинову ту прочную основу, на которой расцвел его талант. В 1900-е годы кудашихинский крестьянин был уже признанным мастером книги. Его работы охотно приобретали московские коллекционеры Е.В. Барсов, А.П. Бахрушин и другие. Он выполнял каноны, акафисты, синодики, жития святых, повести и сказания. В 1902 году Российский Исторический музей через комиссионера М.Я. Параделова за 80 рублей купил лицевую рукопись «Житие Петра и Февронии Муромских» с 40 миниатюрами⁶ (ил. 2–7), в том же году у антиквара С.Т. Большакова за 15 рублей – лицевой рукописный сборник с повестью о новгородском посаднике Щиле, а в 1903 году через П.С. Кузнецова – лицевой Синодик с дополнительными статьями за 225 рублей и Притчи за 25 рублей⁷.

К этому времени сложились основные черты художественной манеры Блинова. Каллиграфический, с устоявшимися начерками и твердым ритмом письма полуустав напоминал полуустав XVI–XVII веков. Свободно владел художник и скорописным типом письма, ориентированным на витиеватую скоропись XVII века. Традиционные элементы книжного декора – заставки, инициалы, концовки – всегда гармонично сочетались друг с другом. И.Г. Блинов стилистически безупречно воспроизводил тератологический и балканский орнаменты. Его кисти были подвластны не только односюжетные миниатюры житийных памятников, но также композиционно сложные, многофигурные и многосюжетные иллюстрации к акафисту.

В связи с биографией художника необходимо обратить внимание на одно его произведение, до сих пор должным образом не введенное в научный оборот. В 1913 году мастер принес в дар Историческому музею вместе со своим фотопортретом «лист бумаги, на нем нарисовано: рамка акварельная, скомпонована из акварельных заставок,



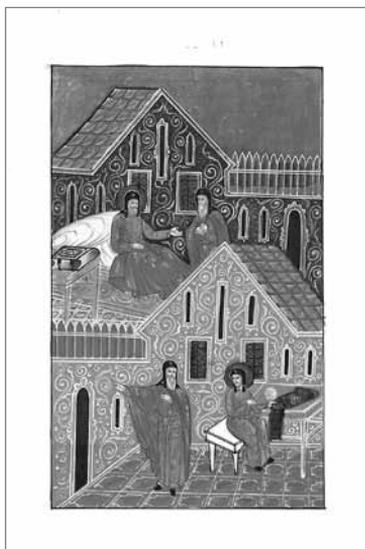
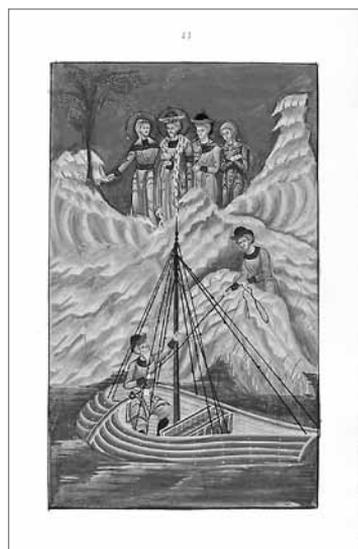
Ил. 2. Повесть о Петре и Февронии Муромских. Писец и художник И.Г. Блинов. 1901. Оформление начального листа рукописи



Ил. 3. Повесть о Петре и Февронии Муромских. Писец и художник И.Г. Блинов. 1901. Миниатюра «Князь Петр поражает змия»

в середине тропарь Кресту и автобиография Блинова, исполнившего рисунок»⁸.

Данный лист – довольно необычное произведение. По всей видимости, он был выполнен либо для себя, либо для увековечения памяти о себе. В широкой орнаментальной рамке помещен текст, вернее, два самостоятельных текста: Тропарь Честному Кресту 1-го гласа (одна строка киноварной вязи и пять строк полууставом) и пространный, в 15 строк, выполненный полууставом и скорописью автобиографическая заметка. Ее начало и конец подобны формуляру записи писца в книге: «Писал и рисовал сию картину крестьянин Нижегородской губернии Балахнинского уезда Большепесошнинской волости деревни Кудашихи близ села Городца Иван Гаврилов Блинов. Имею от рождения 28 лет. День моего ангела 12-го ноября. Зачислен в ратники государственного ополчения в 1-м разряде в 1894-м году. Отбыл учебные сборы в 1895-м и 97-м году в городе Балахне. А что обрящется неисправно, дело моево невежества простить Господа ради. Аз грешен есмь и неучен. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веком. Аминь». В саму рамку в прямоугольных картушах вписана дата: «Лета 7409-е», т. е. 1901 год, и помещены изображения Ангела Хранителя и тезоименитого святого – Иоанна Милостивого.



Повесть о Петре и Февронии Муромских. Писец и художник И.Г. Блинов. 1901

Ил. 4. Миниатюра «Девушка Феврония встречает посланцев князя»

Ил. 5. Миниатюра «Князь Петр и княгиня Феврония отправляются в изгнание»

Ил. 6. Миниатюра «Чудесное произрастание деревьев»

Ил. 7. Миниатюра «Петр и Феврония готовятся к смерти»



Ил. 8. Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1909. Миниатюра «О антихристе и с ним вменяемых в геенну» (иллюстрация к тексту Откр. 19: 17–21, начало 59)

Из письма И.Г. Блинова от 20 июня 1909 года следует, что сначала мастер не предполагал оставаться в Москве надолго. Он сообщал жене: «Веруша, я теперь ищю квартиру другую, побольше, для всего нашего семейства. Вам придется со мной ехать в Москву и жить здесь со мной. Меня очень просят остаться в Москве. Из деревни вам придется уехать»⁹.

Под руководством И.Г. Блинова и при его непосредственном участии в книгопечатне был издан ряд лицевых рукописей, в том числе «Апокалипсис» с толкованием Андрея Кесарийского с рукописи первой половины XVII века. (Ил. 8–10.) Экземпляр этого издания был передан в Исторический музей; в личном архиве И.Г. Блинова сохранилась копия благодарственного письма князя Н.С. Щербатова от 25 ноября 1909 года: «Правление Исторического музея вменяет себе в особое удовольствие принести глубочайшую благодарность Московской старообрядческой книгопечатне за принесенный ею в дар Музею, чрез Ивана Гавриловича Блинова, великолепный экземпляр изданной Книгопечатней книги “Апокалипсис”, точно воспроизводящей старинную рукопись Апокалипсиса XIII в. (дата указана ошибочно, должно

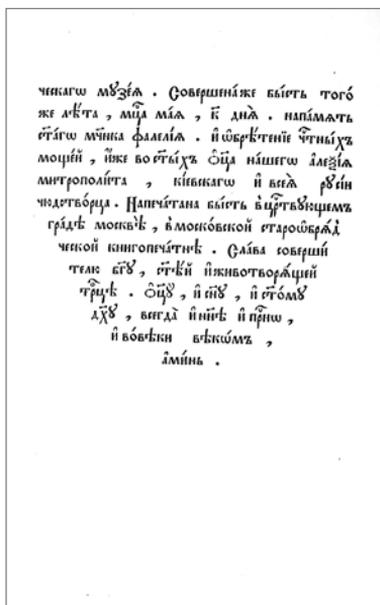
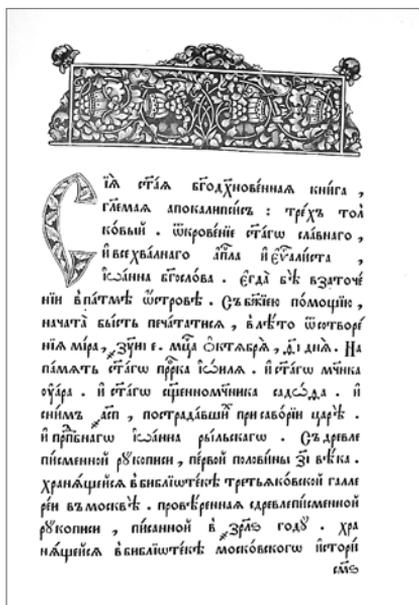
Таким образом, этот лист содержит важные биографические подробности: день ангела И.Г. Блинова и имя святого, в честь которого его нарекли родители; сведения о прохождении военной службы и несомненной принадлежности к старообрядчеству, о чем свидетельствует словоформа «во веки веком». Кроме того, три слова данного текста написаны глаголицей («сию картину крестьянин»), что указывает на исключительную книжную грамотность автора-исполнителя.

Старообрядческие связи привели И.Г. Блинова в Москву. В начале 1909 года его пригласили на работу в типографию, организованную в древней столице представителями беглопоповцев. Это заведение, которым заведовал Лев Алексеевич Малехонов, доверенное лицо Н.А. Бугрова, крупного промышленника и крупнейшего старообрядческого деятеля, более известно под названием Московской старообрядческой книгопечатни (1908–1917).

быть – XVII в. – Е.Ю.) Управление Музея считает своим долгом вместе с тем препроводить и от себя в дар изданное Музеем житие св. Нифонта, по лицевой рукописи XVI в.»¹⁰.

В Москве книгописное творчество Блинова получило новые перспективы. Прежде всего, здесь имелся обширный материал для изучения и подражания, и художник напряженно над ним работал. Так, в Историческом музее в 1909 году мастер изучал рукописные тексты жития Анны Кашинской и копировал миниатюры рукописей Апокалипсиса и Синодика для изданий Московской старообрядческой книгопечатни, в 1910 году с той же целью копировал миниатюры рукописей, в 1911 году изучал рукописные хронографы и исследовал жития святых по рукописям музея, в 1912-м копировал миниатюры лицевых рукописей, в 1913-м изучал и зарисовывал миниатюры Лицевого летописного свода¹¹.

Творческая переработка старинных форм, орнаментов и мотивов составляла отличительную черту новорусского стиля. Многие художники и архитекторы сами изучали подлинные памятники старины, черпая в них вдохновение и необходимый материал для собственных работ. Но в ряде случаев носитель традиционной культуры, обладавший талантом и художественным чутьем, становился подлинным соавтором

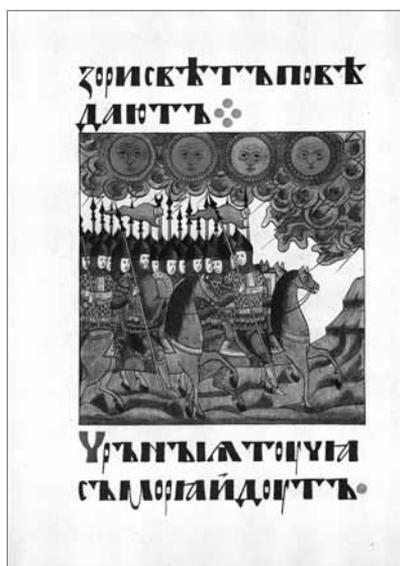


Ил. 9, 10. Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1909. Выходные сведения издания



*Ил. 11. Слово о полку Игореве. Писец и художник И.Г. Блинов.
1912. Выходная миниатюра*

крупных творческих проектов. В автобиографии И.Г. Блинов пишет о своем участии в оформлении церкви по проекту А.В. Щусева в имении П.И. Харитоненко Натальевка, о совместной работе с художниками В.М. Васнецовым, А.И. Савиновым, М.В. Нестеровым, Б.В. Зворыкиным. Важным этапом в творчестве Блинова стала совместная работа с Д.С. Стеллецким над списком «Слова о полку Игореве» в 1910 году; художник привлек каллиграфа к написанию текста (миниатюры были исполнены им самим). В 1914 году нижегородский мастер писал текст и иллюстрировал «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина. Для этих книг, повествующих о «преданьях старины глубокой», Блинов выработал особый почерк – стилизованное круглое уставное письмо.



Эти работы нижегородского художника пользовались большим спросом. Им было сделано несколько списков «Слова о полку Игореве»¹² (ил. 11–14). Интересная судьба списка, выполненного в конце 1913 – начале 1914 года, прослеживается по письмам художника. 23 января 1914 года он писал жене: «Книгу еще не продал, Остроухов не купил, теперь жду князя Шихматова-Ширинского, приедет он 25-го в субботу. Тюлин велит подождать и предложить ему, у Харитоненка был, но их не видал, Вера Андреевна (Харитоненко. – Е.Ю.) скоро приедет из Петербурга, дня чрез четыре. Ежели не купит князь, кое куда сношу. У Васнецова не был, и в Румянцевском музее тоже не был, словом, некуда покуда не носил покупателям, ежели князь не купит,



Слово о полку Игореве. Писец и художник И.Г. Блинов. 1912

Ил. 12. Оформление начального листа рукописи

Ил. 13. Миниатюра «Небесные знамена в начале похода Игоря»

Ил. 14. Миниатюра «Плач Ярославны»

куда-нибудь продать»¹³. И в следующем письме от 28 января: «Книгу о полку Игорева взял князь Ширинский-Шихматов для государя императора. Цену еще окончательно не зделали, придется подождать, я прошу четыреста (400) руб., они назначают (300) триста, не знаю, прибавят ли нет. <...> Вераша, мне сказали, что “ваше дело обеспечено и книгу возмут в хорошее место, во дворец в Петербург для государя”. Вераша, Остроухов только посмотрел, а не купил, я было обробел, но теперь слава Богу повеселел, да и на работу поступил, оказывается у князя дело будет. Покуда поработаю у Льва Алексеевича»¹⁴. Три дня спустя художник снова извещал жену: «Деньги еще не получил, Тюлин говорит, скоро вышлют. Книгу взяли уже в Петербург. Надеюсь, что вышлют 400 р. <...> Вераша, не знаю, как дожидаться денег, с заботы ночи не спяты. И глаза у меня болят, я видно их переломал, писать с трудом можно, еле только тон веду пишу, не стал бы, да Лев Алексеич просит»¹⁵.

1917 год застал Блинова в полном расцвете творческих сил, но в новую эпоху его искусство оказалось ненужным. Первые два послереволюционных года он продолжал усиленно работать, в «выходных» записях исправно указывая, что рукопись создана «во времена Советской власти Большевиков». Для Исторического музея он выполнил миниатюры-иллюстрации к повестям о Горе-Злочастии, Савве Грудцыне и Фроле Скобееве. 14 марта 1919 года зачислен в Ученую коллегию Российского Исторического музея сотрудником. В 1919 году художник вошел в состав Ученой архивной комиссии Городца (для представления в это учреждение и была составлена автография). В 1920–1924 годах Блинов работал сначала директором, затем научным сотрудником Городецкого краеведческого музея. В 1925 году вернулся в родную деревню и трудился в колхозе «Красный маяк», в 1930-х годах был лектором в сельском клубе и ответственным редактором городецкой газеты «Колхозный ударник». В это же время И.Г. Блинов пытался продолжить книгописание: он выполнил несколько лицевых списков «Истории города Городца» и лицевой список «Слова о полку Игорева», оставшийся незавершенным.

«Автография моей жизни» была составлена в 1919 году, к счастью, в это время художник еще мог подробно написать о своей жизни и творчестве, включая все свои разнообразные контакты. Текст документа мы публикуем в орфографии подлинника (написан гражданской скорописью в тетради из 14 листов). Приводим более полную первоначальную редакцию текста, которая позже подвергалась значительному сокращению, были вычеркнуты целые фрагменты. В ряде случаев в примечаниях приводятся дополнения автора к первоначальному тексту.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лета 7426 30 марта с/ст.
12 апреля 1919 года н/ст.

Автография моей жизни

Для представления в Ученую архивную комиссию села Городца, Нижегородское отделение.

Родина моя – Ниж^егородская> губ. Балахнинский уезд¹⁶ Большепесочнинская волость дер. Кудашиха, близ с. Городца на Волге, родился в 1872 году 5 ноября, от небогатых родителей крестьян, вероисповедания старообрядческого, приемлющие священство, переходящее от Русской Церкви. Имя отца моего – Гавриил Андреевич, мать – Любовь Клементьевна. Родитель мой очень малограмотный, мать совершенно безграмотная, но довольно религиозные. У отца моего кроме крестьянства имелась ветряная мельница, где и мне впоследствии приходилось много заниматься.

В первые годы моей жизни я отдан был на воспитание к деду, отцу моей матери¹⁷, в дер. Косково, на берегу реки Узолы, где я провел первые годы и дни моей юности, от отца и матери постепенно отвыкал, а также и они мне не совсем были рады, а тем более я родился спустя один год после их свадьбы и был первенец¹⁸. Они не прочь были такого мнения, чтобы я помер, дабы не мешал им. Дед мой жил крайне бедно, но родители мои часто им помогали за мое содержание. У дедушки семья была из 9 человек, хотя при недостатке, но я очень любил и привык у них жить.

Лет шести-семи во мне начала проявляться любовь к учению, тем более когда слышу: дедушка читает по утрам Псалтырь или же каноны, чтение у него очень было умиленное и читал больше со слезами, это на меня очень действовало, читать он был обучен в каких-то кельях, где и воспитывался под руководством опытного инока, в строгом религиозном духе, к тому и меня он старался приучить, когда заметив во мне склонность к учению, что он много мне и помог.

На 10-м году моей жизни родители мои решили меня учить читать и писать, на что я охотно согласился, во мне давно уже было сильное желание к учению. Они обучить меня решили домашним способом, не отдавая в школу, которых тогда было очень мало, но тем более они их избегали и говорили, что там учат одни сказки и песни. Приступив к учению, я от всей души любил учение, книги, тем более с картинками, в моем учении много помогал дед мой, отец матери¹⁹, он много сведущее в писании, чем родитель мой, который был очень малограмотен. Акцентов он совершенно не понимал, которые знал очень твердо дед мой, и я от него все понял. Когда я начал читать пред иконами, то старался усвоить погласицу²⁰ деда, которую я от него слышал, он читал чудно хорошо, и очень был у него стройный голос и знал старую келейную напевку²¹ и погласицу древнерусского чтения, в строгом келейном духе. На меня так сильно действовало его чтение, что иногда дрожь пробежит по

всему телу от умиления и непочем не удержаться, чтобы не заплакать. Это был замечательный щец, тон его голоса запечатлелся на всю жизнь в моей душе. В то время я страстно полюбил иконы и картины, и я решил во что бы то ни стало учиться писать и рисовать, без помощи преподавателя, самоучкой.

Первую кар<тину> нарисовал архангела Гавриила с иконы, эта ик<она> в день Ангела моего родителя, вырисов<ал> пером чернилами, и когда удалось мне кое-как нарисовать, тогда пришел в великую радость, и первым делом показал отцу, матери и впоследствии деду. Они одобрили это мое начинание, и с тех пор я окончательно решил учить искусство рисования и писать книги. Когда я безповоротно увлекся этим делом, тогда все свое внимание устремил к науке, хотя и очень было трудно без преподавателя. Отец же и мать, видя, что я сильно увлекся этим, и боясь, чтобы я не бросил и не отстал от крестьянского быта и хозяйства, начали меня отвлекать всячески, иногда и журить, а тем более на них подействовало, <когда> кто-то из соседей сказал им, что «сын ваш раз делает такие штуки, едва ли будет хорошей жизни, но будет какой-либо студент или безбожник». Вот тогда они повели против меня целую войну, всеми способами начали мне мешать в этом моем увлечении. Конечно, это меня сильно огорчало, но я не падал духом, для того я выбирал свободное время, когда нет домашней работы, или же сидел по ночам иногда до разсвета, без сна проводил многие ночи и все детские забавы оставил и с сверстниками старался не видаться, которые меня очень любили, потому что я очень часто им читал и рассказывал разные истории²², для этого мы в зимнее время собирались в дворные бани, а летом в амбары. И так шли мои молодые годы в таком положении.

В одно время мне вздумалось написать Апокалипсис с кар<тинами>. Это было на 17 году моей жизни, и я его написал, но картин нарисовал только половину, 30 шт. С трудом выводил неумелой рукой разные виды и изображения стальным пером и чернилами, и себя воображал, что я теперь мастер и художник, но вот беда – мне за это никто не гроша не платил, и я старался найти какого-либо заказчика, который бы мне что ни есть, но платил, чтобы мне оправдаться пред родителями²³. И вот нашел одного в с. Городце книготорговца, и он заказал мне писать²⁴ каноны²⁵ по 20 коп. за кан<он>, но каждый такой канон я писал почти целую неделю и получал 20 к.²⁶ Это мне тоже мало утешительно было.

Но как-то мне пришлось услышать о Г.М. Прянишникове²⁷, что у него в доме имеются книгописцы, списывавшие для него с древних рукоп<исных> книг и карт<ин>²⁸. Сейчас со всей радостью отправляюсь к нему, взяв с собою своей работы Апокалипсис, прихожу к нему в дом. Он меня принял и спросил, что мне нужно от него. Я объяснил ему с величайшей робостью свое дело и показал ему свою работу, он же взял от меня и понес показать своим мастерам, где они разсматривали, дверь была со стеклом и мне все было видно, как они вместе с ним смотрели на мою работу и довольно смеялись. На меня такой пришел стыд, что провалился бы сквозь полу со стыда, и проклинал себя, что пошел к нему, т. е. к Пряниш<никову>. Когда он вышел и отдает мне мою книгу

и говорит: «Иди домой и годика три попиши дома, тогда и приходи. Мастера сказали, что вы много очень “ятей” вместо “есть” наставили».

И с тем я пошел к себе в дер<евню> и решил бросить все это искусство. Придя домой, все свои принадлежности убрал, чтобы их не видеть. Но в конце концов опять принялся за это, сила не взяла оставить это мое²⁹ любимое занятие, и так несколько раз оставлял и закаивался бросить это дело, но страшная любовь, зародившаяся в душе моей, взяла свое, я не в силах был оставить это мое любимое искусство³⁰. Но вид же Г.М. Прянишникова очень мне понравился, и он показался мне каким-то таинственным и мудрым чело<еком>³¹, впоследствии узнал, что он мне приходится родня не так дальняя, а именно троюродный дядя. Спустя года три я с ним очень познакомился, и он меня страшно полюбил. Иногда с ним проводили в беседе целые дни и ночи, разсуждали и беседовали о разных вещах³², что только мы с ним не переговорили, в нем было чудное душевное созерцание и великий³³ ум, такого ума во всю жизнь никогда нигде не встретил, привожу отчасти его библиографию³⁴.

Он уроженец из дер. Мостов, родителей-старообрядцев, довольно богатых, занимавшихся в то время пряничным производством, и как он передавал, и название получил от того дела³⁵ «Прянишников». С 12-летнего возраста в нем проявилась любовь к иконам, а тем более к изображением святых с большими бородами³⁶, впоследствии и у него выросла очень длинная борода, от самого лица³⁷, имела вид две косы, но только он носил ее под поддевкой или кафтаном и никогда не расчесывал, только когда пришлось быть ему с Н.А. Бугровым³⁸ в Петрограде на балу у Александра III-го, тогда он ее привел в порядок и расчесал, и тогда она получила очень красивый вид. С приведенной в порядок бородой он снял себя на фот<ографическую> карт<очку>, которая хранится, кажется, у наследницы, т. е. его дочери С.Г.

В нем было великое созерцание и душевные чувства, ужасно чуткое сердце, иногда мог отгадывать мысли людей, естли только он захочет, и чрез меру был любопытен и замечательный знаток в иконописи и друг<их> вещах, тем более древностей, любил много читать. Им прочитано славянских рукописных и печат<ных> книг от первого и последнего листа 180 кн<иг>, 100 кн<иг> гражд<анских>. Любил всегда говорить о Боге, о бытии и творении Божии, о небесном чиновачалии. В молодости любил петь песни, иногда при собрании играть в карты. В одно время с ним случилось такое произшествие: как-то пришлось ему быть в тонком сне, одному в комнате, вдруг ему представляется кто-то, отворил дверь и на пороге появился человек в виде Иоанна Богослова, и грозит ему пальцем и говорит: «Смотри ты, у тебя в руках Евангелие». И затем пропало это видение. А ему тогда часто приходилось читать Евангелие, и вот он размыслил, что это за то ему грозил, что играет в карты, и с тех пор больше никогда не играл. Вина во всю жизнь не выпил не одной капли и ничего хмельного. Я впоследствии много поработал ему, писал и рисовал; много пришлось мне с ним поговорить о иконописи. Он ужасно любил иконы, даже мне иногда говаривал: «Есть ли буду помирать, так бы и взял несколько иконочек с собой на будущий свет». Он твердо верил в загробную жизнь, и сильна у него была вера

в Бога. Но любил иногда и шутить, потому что в нем и чудачество было страшное, его немногие понимали, он с каждым человеком был разный, некоторые считали его прямо ненормальным. Перехожу опять к моей автобиографии.

Когда мне исполнилось 19 лет, родители мои порешили меня женить, и к великому моему сожалению я на это дал³⁹ свое согласие. Они рассчитывали, что, женившись, я брошу мою затею к рисованию и любовь ко всему художественному. Сосватали мне невесту, крестьянскую девицу 18 лет, мне хорошо знакомую и довольно красивую, которую я, зная, в душе любил⁴⁰, родителей старообрядцев и не так бедную. И когда, женившись, я еще больше пристрастился к моему любимому занятию, целые ночи напролет проводил без сна, молодая моя супруга иногда спросит меня: «Вы сегодня спали ли нет?» – родители мои, видя, что меня и этим не могут отбить от любви моей, тогда начали говорить, чтобы она не допускала делать это дело и уговаривала меня, чтобы я отступился от этого безотвязного искусства, и начали ей говорить, что я не только ее и детей, которых у меня было тогда 3 человека, с этим промыслом, но и себя не пропитаю. И жена в конце концов постепенно ко мне охладевала и старалась служить больше отцу и матери, а меня всячески от себя отгоняла: «Есть ли бы ты куда-либо пропал, я бы очень рада была, меня развязал бы». Но я ее очень любил за ее хороший нрав и доброе сердце и ей в вину это не ставил⁴¹, потому она все это делала по вине моих родителей. И так протекали мои первые года женитьбы в страшном неладу с женой и родителями, чрез эту мою любовь к искусству, но разстаться с ним я не мог.

К моему великому счастью в с. Городце был любитель и собиратель древностей П.А. Овчинников⁴², я, узнавши, что ему пишут писцы с древних рукописей, послал с дедушкой (это отец моего отца) написанный мною канон. Он, размотревши, просил прийти мне самому, вот я и отправился со всей охотой к этому любителю. Прихожу, он меня принял очень ласково и сказал мне: «Вы замечательно будите писать», – и просил меня написать ему несколько рукописей, на что я очень охотно согласился, порядился с обыкновенного листа по 10 коп. за лист. Рукопись XV в., название книги Силвестра папы Римского, написал ему в течение 7 недель и получил за нее всего 17 р., а потом взял другую, Иоанна Дамаскина, философскую и Небеса, и ее написал. И вот П.А. Овчинников как-то сказал мне: «Ты будешь замечательный писец и рисовальщик, так писали прежде только для царей, и вы помяните мое слово: будите писать для князей и царя». И действительно, сбылось его предсказание: чрез 20 лет мне пришлось поработать для бывшего царя, цариц, княжен и князей. И после этого разговора он меня, т. е. Овчинников, от всей души полюбил, впоследствии даже жил у него в доме, всего писал ему 16 лет, всего написано 25 книг, хотя и с перерывами, так что приходилось писать еще многим и прочим любителям. Овчинникову написал несколько листов рукописей. В то время мною и дано было полный ход моей любви к этому искусству.

В 1909 году был приглашен в Москву в Типографию Л.А. Малехонова⁴³ в качестве старшего корректора славянского шрифта, где и прослужил 7 лет,

тогда под моим руководством издано много лецевых книг, как-то: Апокалипсис с 72 кар<тинами> в кр<асках>, Житие св. Николы, 70 кар<тин> в кр<асках>, Библия, 150 кар<тин>, Житие Бориса и Глеба, 15 кар<тин>, и много других лицевых житей. От этой типографии пришлось поработать во многих библиотеках и музеях, как-то: в Историческом, Румянцевском музеях, Третьяковской Галерее, в Патриаршей Библиотеке, в Синодальной, на Никольской ул., в Худовской единоверческого монастыря, в Троице-Сергиевой Лавре, в Казанской библиотеки в г. Казани, при дух<овной> Академии.

В 1906 году был приглашен на 7 Всероссийский Археологический съезд в г. Владимир<е>⁴⁴ для осмотра Владимирского собора и в д<оме> дворянского собрания слушал лекцию проф. Покровского⁴⁵ на тему о древнейшем перстосложении. Потом был послан вдвоем с иконописцем С. Суловым⁴⁶ в г. Суздаль для осмотра Спасо-Ефимиевского монастыря и Покровского, где осматривали вместе с комиссией ризницы и иконопись. А также много пришлось поработать и князьям А.А. Ширинскому-Шихматову⁴⁷, М.С. Путятину⁴⁸ в б<ывшем> Царском Селе и некоторым любителям, как-то: Е.Е. Егорову⁴⁹ в Москве, Н.П. Никифорову⁵⁰ в г. Горбатове, П.И. Харитоненко⁵¹, у него в имении в Харьковской губ., за Харьков 80 верст, в Натальевском посаде, где строилась церковь при имении, там зарисовывал вязи в стиле XIV века в шейке главы церкви и надписи на стенописании, церковь эта сложена из белого аракевского камня, на углах высечены самыми лучшими каменосечцами русские князья, начиная от Владимира; вид цер<ковь> имеет новгород<ских> храмов XVI в. Занимались работой с художником А.И. Савиновым⁵², он производ<ил> стенописание. А также работал В.М. Васнецову⁵³, вырисовывал вязи для Варшавского собора и мозаических работ. Работал художнику Б.В. Зворыкину⁵⁴, отчасти рисовал малинькие рамочки и текст худ<ожнику> Нестерову⁵⁵. Писал текст к Слово о полку Игореве худ<ожнику> Д.С. Стеллецкому⁵⁶, рук<опись> хранится в Третьяковской галерее.

В 1916 году был вызван и приглашен на службу в Москву в Художественную скоропечатню А.А. Левенсон⁵⁷, б<ывший> поставщик Двора, где большей частью работал царские заказы. В 1916 году был затребован с фабрики художник в б<ывшее> Царское Село для вырисовки статута Ордена св. Благов<ерной> княгини Ольги, которых было заказано три стат<ута>: один для быв<шего> государя Николая II-го, второй – б<ывшей> вдов<ствующей> государыни М<арии> Ф<едоровны> и третий – быв<шей> государыни А<лександры> Ф<едоровны>, которые я все исполнил в древневизантийском и русском стиле, эскизы заготовлял в Цар<ском> Селе, во дворце, где жил начальник Дворцового управ<ления> князь М.С. Путятин. Я жил у него три недели, статуты эти выполнил в лучшем виде, за это был представлен комиссией «по выработке Стат<ута>» к награде, за что и получил Андреевскую золотую медаль с надписью «За усердие» на Андреевской ленте для ношения на шее. А от быв<шей> государыни получил письменную благодарность чрез Капитул орденов.

В 1917 году меня мобилизовали и взяли на военную службу⁵⁸, призывался в Царском Селе, Генеральным штабом переведен в санитары в Цар-

сосельский военно-санитарный полевой поезд № 143 имени бывшей государственной Александры Фёдоровны и при лазарете имени бывших княжен Марии и Анастасии. Во время посещения ими лазарета на Рождество при раздаче подарков я получил от Марии серебряные часы с цепкой, фабрикой П. Буре, от Анастасии – гостинцы.

Во время отбывания военной службы в Царском Селе судьба свела служить с следующими лицами и жить и находиться в одной комнате: 1-й – Шарлемань И.А., французского происхождения, потомок благородных рыцарей, сын придворного художника Александра II-го, тоже художник⁵⁹; 2 – учитель и репетитор бывших Императорских театров; 3 – Наумов, петроградский художник⁶⁰; 4 – С. Есенин, поэт-самородок Рязанской губ., сотрудник петроградских журналов⁶¹. Революция меня захватила в Царском Селе, со службы освобожден по приказу бывшего министра Гучкова⁶², на военной службе пробыл 6 месяцев, пособия получил всего 164 руб. С 14 марта 1919 года нового стиля зачислен в Ученую коллегию Российского Исторического музея в сотрудники для одного популярного издания по распоряжению Народного Комиссариата по просвещению. Сейчас мне от роду 46 лет. Семья моя состоит из 7 человек:

жена Вера Павловна	45 лет,
сын Иван	— 17 —, любит художество и поэзию ⁶³ ,
— Филарет	— 16 —,
— Андрей	— 8 —,
дочь Таисия	— 13 —,
— Васса	— 10 л.

Иван Гаврилович Блинов

ПРИМЕЧАНИЯ

- Иткина Е.И. Памятники Куликовского цикла в творчестве художника-миниатюриста И.Г. Блинова // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 216–224; Ее же. Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX в.: Из собр. ГИМ. М., 1992. С. 13–15, 22–24, 222–224; Лёвочкин И.В. И.Г. Блинов и рукописные книги его работы // Книга: Исследования и материалы. М., 1990. Сб. 61. С. 131–138; Аксёнова Г.В. И.Г. Блинов – городецкий книгописец и изограф // Городецкая старина. Вып. 3. Городец, 1998; Ее же. Книжных дел мастер Иван Блинов // Московский журнал. М., 2003. № 11; Рыков Ю.Д. Блинов Иван Гаврилович // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5. С. 359–361.
- ГИМ. Музейское собрание. № 3085.
- РГБ. НИОР. Ф. 491.
- РГБ. НИОР. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 9 об.

- 5 Там же. Л. 10.
- 6 ГИМ. Музейское собрание. № 2750 с. Рукопись недавно опубликована: Покровители семьи и брака святые Петр и Феврония Муромские / Изд. выполнено по рукописи Государственного исторического музея: Повесть о Петре и Февронии Муромских. Художник и писец И.Г. Блинов. 1901 г. / Составление, перевод, вступительная статья Е.М. Юхименко. М., 2012.
- 7 ГИМ. Музейское собрание. № 2750 а, б.; 2749.
- 8 Там же. № 3084.
- 9 РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 7.
- 10 Там же. К. 5. Ед. 19. Л. 1.
- 11 Юхименко Е.М. Первый, Российский, Исторический... М., 2008. С. 168.
- 12 Список 1912 г., включающий 27 миниатюр, из собрания Е.Е. Егорова воспроизведен в издании: Слово о полку Игореве [факсимильное воспроизведение первого издания 1800 года]. М.: Книга, 1988.
- 13 РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 32.
- 14 Там же. Л. 33–33 об.
- 15 Там же. Л. 34 об.
- 16 *Испр. на:* Городецкого уезда.
- 17 *Далее вставлено карандашом:* бедному крестьянину.
- 18 В семье Блиновых родились второй сын Иван и дочери Ирина и Екатерина.
- 19 *Далее вставлено карандашом:* который твердо знал древнеславянское чте<ние>.
- 20 Погласица – особый способ чтения нараспев священных текстов.
- 21 Напевка – устная традиция пения, сложившаяся в определенной общине.
- 22 *Далее вставлено карандашом:* которых я тогда начитался.
- 23 *Далее вписано карандашом:* что действительно я делаю не пустое какое дело.
- 24 *Далее вписано карандашом:* тетрадки.
- 25 *Далее вписано карандашом:* для продажи.
- 26 В фонде И.Г. Блинова в Российской государственной библиотеке хранятся две подобные рукописи: 1887 г. с записью «Сия книга глаголемая канонник принадлежит деревни Кудашихи крестьянину Ивану Гаврилову Блинову, писал свою рукою в 1887 году» (РГБ. Ф. 491. К. 1. Ед. 1. Л. 1) и 1891 г., с записью «Писал сии каноны деревни Кудашихи Иван Гаврилов Блинов года в 1891 месяца марта в 16 день» (РГБ. Ф. 491. К. 1. Ед. 10. Л. 69 об.), причем первая рукопись была написана мастером в 15-летнем возрасте, а в не в 17-летнем, как он пишет в автобиографии.
- 27 Прянишников Григорий Матвеевич (1845–1915) – балахнинский 2-й гильдии купец, старообрядец-беглопопoveц, попечитель городецкой старообрядческой часовни, собиратель старинных рукописных книг и икон. Часть его собрания икон хранится в Государственной Третьяковской галерее.
- 28 В доме Г.М. Прянишникова в с. Городце Балахнинского уезда Нижегородской губ. находилась настоящая книгописная мастерская. Писцы снимали рукописные копии с древних и редких кодексов как для самого хозяина, так и для других коллекционеров. Подобные списки, выполненные в 1880–1890-х гг. в том числе писцами Максимом Осиповичем Прянишниковым, Никандром Копални-

- ным, а позже И.Г. Блиновым, сохранились в собрании самого Г.М. Прянишникова (РГБ. Ф. 242. № 158, 184, 186, 187, 189, 190, 192, 194, 197–199, 201–204).
- 29 Позднее было зачеркнуто и сверху надписано карандашом: чрез короткое время страсть к искусству взяла свое, и я снова принялся за мое.
- 30 *Слово было зачеркнуто, и вместо него вписано карандашом:* занятие и решил во что бы то ни стало, но изучить древнерусское искусство палеографии и живописи.
- 31 *Зачеркнуто, между строк вставлено:* Когда стал немножко понимать по палеографии и рисованию, я вспомнил о Г.М. Прянишникове, меня тогда очень заинтересовал его наружный вид и его некоторые слова.
- 32 *Позже над строкой дописано:* на религиозную тему, о истории и искусстве.
- 33 *Позже зачеркнуто и над строкой вписано:* светлый.
- 34 *Позже зачеркнуто и вписано:* с обширными понятиями. Здесь коснусь отчасти его библиографии.
- 35 *Позже зачеркнуто и исправлено:* производства.
- 36 *Позже вставлено над строкой:* и вот совпадение.
- 37 *Далее первоначально было вставлено:* ниже колен, а естли сидит, касалась до полу. Затем эта фраза была зачеркнута и вместо нее вписано: касалась почти до земли.
- 38 Бугров Николай Александрович (1837–1911) – видный общественный старообрядческий деятель, из старообрядцев-беглопоповцев, крупный предприниматель, мануфактур-советник, благотворитель.
- 39 *Над строкой позже вписано:* хотя не совсем охотно.
- 40 *Над строкой вписано красными чернилами:* и имел с ней переписку, письма эти храню и сейчас.
- 41 Судя по переписке 1910-х гг., И.Г. Блинов был очень привязан к жене. В письме от 22 марта 1911 г. он пишет ей из Москвы в деревню: «Ангел мой неоцененный Верочка, ведь я тебя люблю с четырнадцати лет и люблю тебя страстно сердечно всею душою» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 18).
- 42 Овчинников Петр Алексеевич (1843–1912) – купец-хлеботорговец, старообрядческий деятель и коллекционер. Жил в с. Городце Балахнинского уезда Нижегородской губ. Владелец большого ценного собрания древнерусских и старообрядческих рукописей, которое он в последние месяцы жизни (умер 29 марта 1912) хотел продать целиком, в частности Московской старообрядческой общине Рогожского кладбища, однако Совет общины ни тогда, ни позже, «за неимением свободных средств», не смог осуществить такое приобретение (См.: Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2012. С. 130). Как выясняется из писем Блинова, художник также принимал участие в судьбе собрания. 12 января 1912 г. он писал жене: «Овчинниковы книги в Исторический музей предложил, они купить хотят, цену назначил 75 тысяч, хотели послать двоих для просмотра» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 25 об.). В настоящее время это ценное собрание рукописей XIV–XIX вв. хранится в РГБ, ф. 209 и насчитывает 841 единицу.
- 43 Малехонов Лев Алексеевич – старообрядец-беглопоповец, доверенный Това-

рищества паровых механических мельниц Н.А. Бугрова, с 1913 г. доверенный петербургского Международного банка, член Торгового дома «Л. Малехонов и К^о», торговал на Московской хлебной бирже. Жил в Москве. В 1908 г. на его имя была зарегистрирована типография. Это заведение с 1912 г. имело официальное название «Московская старообрядческая книгопечатня». Располагалась по адресу: Лялин пер., д. 6, с 1914 г. – Китайгородский проезд, д. 3. Издавала книги для старообрядцев-беглопоповцев и плодотворно работала вплоть до 1917 г. Репертуар изданий был очень широк и разнообразен: от полного круга богослужебной литературы, в том числе огромного количества отдельных канонов, до перепечатки памятников древнерусской литературы с рукописей. Из писем Блинова выясняется, что в 1910 г., по-видимому, часть жалованья ему выплачивали продукцией типографии. Он сообщил жене 14 января 1910 г.: «Верашенька, я тебе послал почтой каноны и счета. Мелки каноны положили по десяти коп. и с прочих немножко збавили. <...> Книги, Вераша, продавай подешевле, как можно выручай деньги для расходов. За книги деньги в типографии платить не нужно. При расчёте, когда кончу год, там мы с ним зделамаю. Вераша, харчи ведите дома получьше, ребятишек и себя не мори. Если будет какой недостаток, мне пиши скорее, я вам денег пошлю» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 10–10 об.). Служа в типографии, художник продолжал выполнять и частные заказы. В письме от 12 марта 1913 г. Блинов, в частности, писал: «Меня сейчас рядят писать адреса пять штук или семь государю императору, я выпросил по 30 руб. за адрес, ежели поряжусь, то зделаю по ночам, а в день я в типографии занимаюсь, в типографии за стару цену 125 р. в месяц» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 31).

- 44 Ошибка памяти. В 1906 г. с 20 по 26 июня во Владимире проходил Третий областной историко-археологический съезд.
- 45 Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – историк искусства, профессор Петербургской духовной академии, директор Археологического института.
- 46 Суслов Семён Алексеевич (ум. в 1923 г.) – иконописец из с. Мстёра Владимирской губ., старообрядец, владелец и руководитель крупной иконописной мастерской.
- 47 Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930) – князь, государственный и общественный деятель, гофмейстер высочайшего двора, обер-прокурор Святейшего Синода, сенатор, член Государственного совета. В 1894–1903 гг. прокурор Московской конторы Синода, под управлением которой находилась Патриаршая библиотека и Патриаршая ризница. В 1915 г. основал Общество возрождения художественной Руси.
- 48 Путятин Михаил Сергеевич (1861–1938) – князь, генерал-майор, штаб-офицер для особых поручений при управлении гофмаршальской части Министерства императорского двора (1900–1911), начальник Царскосельского Дворцового управления (1911–1917), член Русского генеалогического общества, знаток древнерусского искусства, член комиссии Музея допетровского искусства и быта (с 1909 г.). В 1909 г. создал проект иконостаса для Феодоровского государственного собора в Царском Селе. Строитель Ратной палаты в Царском Селе, член совета и товарищ председателя Общества возрождения художественной Руси.

- 49 Егоров Егор Егорович (1862–1917) – московский 2-й гильдии купец, видный деятель федосеевской Преображенской общины, собиратель рукописей, икон и предметов мелкой пластики.
- 50 Никифоров Николай Порфирьевич (1835–1901) – мещанин г. Горбатова, коллекционер рукописей и старопечатных книг, его сын Пётр Николаевич Никифоров (1869–1938) – старообрядческий священник Белокриницкой иерархии. Блинов некоторое время жил и работал в Горбатове. Оттуда в письме от 20 мая 1896 г. художник сообщал родителям: «Делов очень много, но не трудно» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 7. Л. 1 об.). По всей видимости, к тому же времени относится и письмо жене: «И увидимляю о себе: я теперь начал работать, и жизнь теперь у меня бизмятежная, слава Богу. Но только скучно. Но что же поделаешь, нужно потерпеть. Жалко вас, Верочка, и сумлеваюсь, как вы живете, все ли благополучно и что теперь делайте, не притесняют ли домашние» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 6.; в письме указан обратный адрес: «в городе Горбатове Нижегородской губернии, Николаю Порфирьевичу Никифорову. Всепокорнейшее прошу передать Ивану Гавриловичу Блинову»). В Горбатове Блинов жил и в 1900 г., отсюда он писал родителям 20 августа: «Николай Порфирыч и Семеныч ево меня до страсти любят, потчуют точно гостя. Теперь начал писать, работы много» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 7. Л. 5 об.). На этом же письме сделана приписка: «Письмо пишу в Нижним, приезжал купить бумаги, посла[н] хозяином, был в Нижним всего 2 часа».
- 51 Харитоненко Павел Иванович (1852–1914) – промышленник-сахарозаводчик, коллекционер, меценат и благотворитель. В 1911–1913 гг. по проекту А.В. Щусева перестроил отцовское имение в Натальевке Богодуховского уезда Харьковской губ. В храмовидной надписи, до сих пор сохранившейся на северной фасадной стене, говорится, что храм был заложен 29 июня 1911 г. «в знак милости Божьей, явленной роду Харитоненко», освящен 7 июня 1913 г. Блинов работал в имении, скорее всего, в 1912 г. 24 мая он писал жене: «Я прибыл вчерась в имение Харитоненко. <...> я здесь пробуду до 29 числа, а потом поеду домой. <...> Мне жить здесь ужасно хорошо, лучше требовать некуда» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 30). Накануне этого отъезда В.И. Блинова, находившаяся тогда в Москве, сообщала детям в Кудашиху: «Иван Гаврилович в типографии дело коньчил шеснацетаго числа, теперь будет работать Харитоненку, оне ево любят, воскресенье поедет в ыменье, а я домой. Оне очень просят, работа им понравилась пуще всех художникофь» (РГБ. Ф. 491. К. 5. Ед. 4. Л. 11).
- 52 Савинов Александр Иванович (1881–1942) – живописец и график. П.И. Харитоненко пригласил А.И. Савинова для росписи храма Преображения Господня, построенного в его усадьбе в Натальевке по проекту А.В. Щусева, скульптурные работы были поручены А.Т. Матвееву и С.Т. Коненкову.
- 53 Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) – художник-живописец, архитектор. В 1910 г. выполнял заказ по росписи православного собора в Варшаве. Один из учредителей Общества возрождения художественной Руси (1915).
- 54 Зворыкин Борис Васильевич (1872–1942) – художник, график, иконописец, переводчик. В первой половине 1910-х гг. тесно сотрудничал с Товариществом

- скоропечатни А.А. Левенсона, в котором выходили оформленные Б.В. Зворыкинским книги. В 1909–1912 гг. участвовал в росписи Феодоровского государева собора в Царском Селе. Один из учредителей Общества возрождения художественной Руси (1915).
- 55 Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) – художник-живописец, автор росписей Владимирского собора в Киеве, дворцовой церкви Александра Невского в Абастумане в Грузии, Марфо-Мариинской обители.
 - 56 Стеллецкий Дмитрий Семёнович (1875–1947) – художник, график, скульптор. С Д.С. Стеллецким И.Г. Блинов познакомился в 1900-х гг. В 1908–1910 гг. они вместе работали над рукописью «Слова о полку Игореве» (текст писал И.Г. Блинов, художник выполнял миниатюры), эта рукопись как памятник книжного искусства была приобретена Третьяковской галереей.
 - 57 Художественная скоропечатня Александра Александровича Левенсона, известное и авторитетное издательство, находилась в Трёхпрудном пер., д. 9. Здание типографии было построено архитектором Ф.О. Шехтелем (1900–1901).
 - 58 По всей видимости, И.Г. Блинов был мобилизован в конце 1916 г., поскольку далее он пишет, что прослужил 6 месяцев и был уволен военным министром А.И. Гучковым, а тот в свою очередь занимал этот пост в марте – мае 1917 г., а в отставку подал уже в апреле 1917 г.
 - 59 Шарлемань Иосиф Адольфович (1880–1957) – художник. Был близок к кругу художников «Мира искусства». Сын Адольфа Иосифовича Шарлеманя (1826–1901), академика имп. Академии художеств (1859), профессора (1867), в 1873 г. получившего звание живописца его величества.
 - 60 Наумов Павел Семёнович (1884–1842) – русский живописец, профессор имп. Академии художеств, с 1932 г. заведующий живописным факультетом, с 1934 г. – кафедрой живописи.
 - 61 Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – поэт. Был призван на войну в январе 1916 г., благодаря хлопотам друзей 5 апреля получил назначение («с высочайшего соизволения») санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ее императорского величества государыни императрицы Александры Фёдоровны, квартировавший в Фёдоровском городке. В 1916 г. Есенин сблизился с группой новокрестьянских поэтов, вышедший в этом же году сборник стихов «Радуница» принес ему широкую известность.
 - 62 Гучков Александр Иванович (1862–1936) – политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября», председатель III Государственной думы (1910–1911), депутат думы (1907–1912), член Государственного совета (1907 и 1915–1917), военный и морской министр Временного правительства (1917).
 - 63 Старший сын И.Г. Блинова Иван унаследовал от отца «любовь ко всему художественному». Он также стал заниматься книгописанием. 23 января 1914 г. И.Г. Блинов писал из Москвы жене в Кудашиху: «Ванины книшки продал за 5 руб., обе Льву Алексеевичу, дороже не дал» (РГБ. Ф. 491. К. 4. Ед. 3. Л. 32). С сыном художник выполнил в 1918 г. лицевую рукопись «Повесть Аммония мниха о святых отцах, в Синае и Раифе избивенных» (ГИМ. Музейское собр. № 3426).